

Накануне фотовыставки в клубе было светло, как в импровизированной проявочной.

Гулко жужжала резалка для бумаги, по столам были разбросаны ценники и скотч, а софиты отбрасывали ослепительно яркие круги света.

Сяо Минь стояла у металлического шкафа, механически выравнивая края последних снимков, а кончики пальцев едва заметно онемели от напряжения.

Прошло уже три года с того момента, как на лестничной клетке раскрылась правда, и брошенная Лунь фраза «Я девушка» смыла, подобно проявителю, все грязные фантазии, оставив после себя лишь ещё более глубокую и пустую неразбериху.

Теперь Лунь по другую сторону объектива казалась уже не монстром, а настоящей, живой девушкой — с короткой стрижкой, спокойная, с мягким взглядом.

Страх испарился, но на смену ему пришло новое смятение: а что насчёт тех трепетов в груди? Трепет при первой встрече с солнцем, прижимание друг к другу под дождем на крыльце, тёплая волна в момент общего смеха — неужели всё это означало симпатию к девушке?

Сяо Минь протирала стекло фоторамки, а в голове перестраивались привычные образы: те моменты, когда Лунь поправляла ей лямку рюкзака — это были вовсе не репетиции ласк, а чистая подсказка; взгляд при нажатии затвора — вовсе не подглядывание, а стремление поймать игру света и тени.

Но куда теперь девать это волнение? Сяо Минь нравился «он», а теперь «он» оказался «ею», и всё сместилось, словно композиция в кадре.

Сяо Минь украдкой бросила взгляд на Лунь. Та проверяла стенды в другом конце комнаты, двигалась уверенно, а свет мягко очерчивал изгиб её шеи.

Прежде эта фигура казалась надёжной, а теперь в ней появилось столько двусмысленности, что у Сяо Минь запылали щеки.

Когда она оформляла снимки в рамку, стопка фотобумаги соскользнула с верха шкафа. Сяо Минь потянулась за ней, но Лунь перехватила пачку быстрее, и её пальцы мимоходом коснулись края бумаги — мимолетно обдав теплом.

Сяо Минь инстинктивно отдернула руку, а фотографии уже протягивали ей:

— Осторожно, порежешься. — Голос Лунь звучал низко и естественно.

Сяо Минь взяла снимки, опуская глаза и избегая её взгляда.

На фотографии была сама Сяо Минь — пробный кадр перед декорациями, мягкий свет и натянутая улыбка.

Сяо Минь вспомнила свои грязные домыслы до того, как всё вскрылось. Теперь пленка была чиста, но родился новый вопрос: была ли эта улыбка ответом на чувства Лунь? Что вообще значит — любить девушку?

В клубе по-прежнему было шумно, какой-то старшекурсник крикнул, что проектор готов, но Сяо Минь казалось, что воздух вокруг стал густым и дышать тяжело.

Лунь не ушла сразу, помедлив секунду:

— Во второй половине выставки мне понадобится твоя помощь, чтобы рассказать гостям об этой серии повседневных световых зарисовок. Ты лучше всех понимаешь свои снимки. — Лунь спокойно посмотрела прямо на Сяо Минь.

У Сяо Минь упало сердце. Объяснять? Стоять перед работами Лунь и позволять посетителям заметить их негласное взаимопонимание?

— Я... вряд ли смогу, — попыталась отказаться Сяо Минь, чувствуя, как у нее зажало горло.

Новая волна сомнений подкатила к самому горлу: если стоять рядом с Лунь, не выдаст ли это тайну её чувств?

Любить девушку — что скажет общество? Сяо Минь вспомнила болтовню в общежитии, однокурсницы всегда говорили о романах с парнями, а что насчет нее самой?

— Ты разбираешься в игре света и тени, — произнесла Лунь. — Я подожду, пока ты будешь готова. Но выставка ждать не может. — Лунь слегка подалась вперед, сократив расстояние так, что стало слышно её дыхание. — Если запуталась — так и скажи.

Прямолинейность Лунь подействовала на Сяо Минь подобно щелчку затвора, отчего та сглотнула подступивший ком.

Запуталась — да, её симпатия к Лунь запуталась. И дело было не в страхе перед извращенцем, а в страхе перед тем, куда укажет это чувство.

Сяо Минь глубоко вздохнула и крепче сжала фотобумагу в руках:

— Я боюсь не тебя. Просто... всё запуталось. Твои фотографии слишком хорошо меня понимают, и от этого я боюсь саму себя. Боюсь этого чувства... к другой девушке.

Когда слова сорвались с губ, воздух будто замер.

Лунь молча слушала, её взгляд из безмятежного превратился в едва дрогнувший.

Шум из клубной комнаты просачивался сквозь щель в двери, а сквозь прорезь пробивался свет проектора, выхватывая на полу их прерывистые тени.

Помолчав немного, Лунь кивнула:

— Я понимаю. Скажешь, когда будешь готова. — Она развернулась и ушла, растворившись спиной в лучах света.

Следующие несколько дней Сяо Минь в одиночку разбирала архивы с фотографиями. На столе в общежитии была раскинута целая стопка снимков, за окном сгущалась ночная темнота.

Сяо Минь рассматривала их один за другим: профиль под дождем, намокший и прилипший край одежды — больше никакого налета пошлости, лишь теплота укрытия от непогоды; мгновение общего смеха, чуть приподнятые уголки губ, расплывчатые фигуры прохожих на заднем плане, словно прячущие невысказанные эмоции; разворот в переулке, летящие пряди волос, чуть расстегнутый воротник — угол, который когда-то заставлял её лицо краснеть, а теперь подтверждал: это была любовь.

Сяо Минь легко коснулась пальцами краев снимка, вспоминая прикосновения Лунь, когда та поправляла ей позу — нежные и профессиональные, но от них на озере души Сяо Минь поднимались круги. Что делать, если тебе нравятся девушки? В художественных книгах об этом порой упоминали, но в реальности это казалось слишком далеким. Родные, друзья, взгляды в университете — всё это давило тяжким грузом.

Ночь становилась глубже, Сяо Минь раскрыла дневник. Вокруг лежали фотографии, словно улики, а косой свет настольной лампы отбрасывал длинные тени.

Сяо Минь понимала, что призналась лишь наполовину: она сказала, что запуталась, но не сказала о симпатии; сказала о страхе, но утаила, как жаждет взглядов Лунь.

Правда сократила разделявшее их расстояние, но это же чувство проложило между ними новую трещину.

В день выставки клубное помещение превратилось в временную галерею. Посетители толпой шли внутрь, вспышки фотоаппаратов вспыхивали одна за другой.

Сяо Минь стояла у зоны со своими работами, на табличке значилось: Световые будни, а снимки были выстроены по хронологии: первая встреча с солнцем, крыльцо под дождем, теплота смеха.

Сяо Минь была в простой белой рубашке, пытаясь внешним спокойствием скрыть бурю в душе.

Подошла Лунь — на ней была нейтрального кроя рубашка, а на плече висел фотоаппарат.

— Готова? — спросила Лунь спокойным тоном.

Сяо Минь кивнула, вокруг них тут же столпились посетители. Сяо Минь заговорила, поясняя экспозицию: Эта серия началась летом, свет переходил от яркого к мягкому...

Голос постепенно выравнивался, отвечая на вопросы о композиции легко и непринужденно.

Лунь стояла позади, не вмешиваясь, просто молча наблюдая за Сяо Минь, точно страж, укрывшийся за объективом.

Экскурсия подошла к концу, посетители разошлись. Лунь приблизилась:

— Неплохо справилась. — Она протянула бутылку с водой. — Ты была готова.

Сяо Минь взяла ее, и ее взгляд наконец встретился с глазами Лунь.

В этих глазах больше не было бездны — лишь созидательница света и тени.

Неловкость еще оставалась, но изнутри к горлу уже подступала теплая волна.

— Спасибо... что подождала меня, — тихо произнесла Сяо Минь.

Любить девушку — это запутанно, но реально.

Лунь легко улыбнулась — коротко и искренне, а затем повернулась и вернулась в залу.

Свет в клубной комнате вытянул их тени: сначала те слились воедино, а потом медленно разделились вновь.

Ночью Сяо Минь вернулась в общежитие. На столе осталась лишь одна пробная фотография под дождем. Сяо Минь неотрывно смотрела на снимок, мысленно прокручивая признание на лестнице, рассказ на выставке и ту недавнюю улыбку Лунь. Правда обнажилась лишь наполовину, а молчание оставило белые пятна. Расстояние сократилось, но, чтобы запечатлеть его целиком, требовалось еще немало щелчков затвора. Сяо Минь открыла дневник, кончик ручки коснулся бумаги, и она вывела: Призналась наполовину, но расстояние сократилось тоже наполовину.

<http://bllate.org/book/21310/2162733>